

Когда Сунь Янь услышала оклик, она сильно испугалась, так что даже ложка, которую она держала, выскользнула из рук и со звоном упала на пол.

Очнувшись, она поспешно подняла ложку и, подняв глаза на тётушку Чэнь, с ноткой тревоги спросила: “Тётушка, вы меня звали?”

Тётушка Чэнь, видя её испуганный вид, недоумённо покачала головой, но всё же спокойно ответила: “Конечно, я звала. О чём ты так задумалась? Я тебя уже несколько раз звала”.

Услышав это, Сунь Янь вспомнила свои недавние мысли, потупила взгляд и тихо пробормотала: “Я... я ни о чём не думала”.

Тётушка Чэнь, будучи женщиной прямолинейной и не слишком чуткой к подобным людям, как Сунь Янь, потеряла всякое желание продолжать разговор.

Она вернулась к тому, зачем её звала: “Я хотела попросить тебя подать мне корзину рядом с тобой. Нужно её помыть. Сейчас многие пошли смотреть на казнь, а как вернутся, точно хлынет толпа. Мне надо подготовиться, иначе потом не успею”.

Сунь Янь, услышав это, слегка улыбнулась, но, глядя на тётушку Чэнь, сухо ответила: “Тётушка, вы такая предусмотрительная”.

Тётушка Чэнь, не заметив скрытого тона в её словах, рассмеялась: “Хозяин у нас хороший. В следующем месяце снова поднимет нам зарплату. Нам, помощникам, надо быть усерднее, а не быть неблагодарными нахлебниками”.

Эти слова заставили Сунь Янь сжать руку. Ей показалось, что тётушка Чэнь насмехается над ней. Но когда она снова взглянула в её сторону, та лишь старательно мыла корзину, будто ничего и не говорила.

Сунь Янь сжала губы и промолчала.

Как и предполагала тётушка Чэнь, вскоре толпа людей, вернувшихся с казни, заполонила лавку Линь Сяоцзю.

Возможно, зрелище крови и жестокости требовало утешения, потому людей пришло даже больше, чем ожидалось.

Маленькая лавка быстро оказалась забита до отказа. Посетители заказывали любимый чай, делали пару глубоких глотков, и сладкий, освежающий вкус будто смывал тягостные воспоминания, оставляя их позади.

Именно тогда в лавке появился знакомый, которого Линь Сяоцзю давно не видел.

Увидев этого человека, он был немного удивлён.

“Госпожа Цинь?” — с радостью в голосе произнёс Линь Сяоцзю.

Госпожа Цинь с улыбкой кивнула, немного смутившись, и ответила: “Давно не виделись, молодой хозяин. Я всё ещё не поблагодарила вас за прошлый раз”.

Линь Сяоцзю махнул рукой, показывая, что это пустяки. На самом деле после того случая семья госпожи Цинь тайно навещала его, приносила много подарков, хотя он сам не видел её с тех пор и немного беспокоился.

Теперь, видя госпожу Цинь, хоть и похудевшую, с немного уставшим взглядом, но всё же таким же ясным, Линь Сяоцзю наконец смог успокоиться.

Он искренне сказал: “Я рад видеть, что с вами всё в порядке”.

Госпожа Цинь, которая всё это время жила в страхе и часто просыпалась от кошмаров, где убегала от преследования, неожиданно почувствовала, как её глаза наполнились слезами. Она быстро кивнула и ответила: “Да”.

После этого она изменила своё первоначальное намерение взять еду с собой. Вместе с горничной и охраной госпожа Цинь зашла в лавку и с размахом заказала целый стол еды.

Линь Сяоцзю, обслуживая гостей, в свободную минуту взглянул в сторону госпожи Цинь. Увидев, что перед ней, как и прежде, стоят две порции еды, он, наконец, успокоился.

"Хорошо, что она ест. Если может есть, значит, потихоньку поправляется."

Линь Сяоцзю чуть заметно улыбнулся, и его настроение стало значительно лучше.

Пока он с энтузиазмом принимал новых посетителей, лавка кипела от наплыва клиентов. Но вдруг спереди раздался громкий вопль, а в воздухе закружились клочки похоронных денег.

Линь Сяоцзю застыл, недоумевая, как среди бела дня с неба могут сыпаться похоронные деньги.

Посреди возмущённых возгласов окружающих его взгляд устремился на приближающуюся вдали процессию. Толпа состояла всего из нескольких человек, и лишь одна женщина громко рыдала.

“Ах, сын мой! Что же ты такого натворил?! Как же так вышло, что твоя старуха-мать провожает тебя, своего молодого?! Ах ты, проклятый, что же мне теперь делать без тебя? Как же мне жить дальше?!”

Её крик напоминал карканье старой вороны. Глядя на похоронную процессию в траурных одеждах, на платформу с телом, укрытым белым саваном, сквозь который просачивалась кровь, окружающие постепенно утихли. Их разговоры превратились в шёпот, едва различимый в воздухе.

Линь Сяоцзю остановился, всматриваясь в женщину на платформе, которая не отрывала взгляд от тела. Её волосы полностью поседели, лицо было изможденным, а плач звучал столь пронзительно, что вызывал у него странное чувство.

Ему казалось, что он уже видел эту старуху, но никак не мог вспомнить, где именно.

Когда похоронная процессия удалилась, жизнь в лавке постепенно возобновилась. Некоторые посетители даже ударили себя в грудь и с облегчением вздохнули.

“Боже мой! До чего страшно! Это ведь была старая госпожа Сюй, так?”

Линь Сяоцзю услышав имя, понял, что оно кажется ему знакомым, но как он ни старался вспомнить, ничего не вышло.

“Так кто же это всё-таки такая?”

“Да, именно так. Но, как я помню, в последний раз, когда я видел её, она ещё энергично кого-то ругала, разве нет? Как же так, прошло всего полмесяца, а она выглядит так, словно потеряла половину жизни?”

“Цок-цок, умер её сын. Ради него она выстрадала немало, а теперь, когда его не стало, как ей не горевать?”

“Тоже верно. Единственная опора исчезла, неудивительно, что она так убивается.”

“Но, если подумать, её сын сам виноват. Что угодно можно было делать, а он выбрал стать мерзким торговцем людьми. Такой человек не заслуживает сочувствия.”

“Ты прав. То, что её сын стал таким, — это и её вина. Она слишком его баловала. Я сама не раз видела, как она ради него выпрашивала деньги у своей дочери, чтобы он мог бездумно прожигать жизнь. Если дочь не давала денег, она устраивала скандалы, совсем не думая о том, что после этого её дочери будет тяжело жить в доме мужа”.

"Ну тогда она тоже получила по заслугам".

"Ладно, нас это всё равно не касается. Ешь давай, а то я с утра ничего не ел. Сегодня специально встал рано, чтобы занять хорошее место и посмотреть, как этих торговцев людьми будут казнить. Теперь всё закончилось, и я умираю от голода".

"Точно-точно, не будем говорить о таких мрачных вещах, давай есть".

"Пошли, выберем что-нибудь. Слушай, у них новое блюдо — тушёное мясо, обязательно нужно попробовать, оно потрясающее".

"Одной порции хватит?"

"Ты прав, давай закажем две".

Линь Сяоцзю слушал, как эти двое шептались, и, в общем, понял, что произошло. Теперь он вспомнил, кто эта старуха. Это та самая женщина, которая, когда он только открыл свой магазин, пришла сюда ссориться. Кто бы мог подумать, что с её семьёй так быстро случится такая беда и с таким трагичным концом.

На миг Линь Сяоцзю тоже задумался, но вскоре решил, что это его не касается, и отложил мысли об этом в сторону.

А вот Сунь Янь неподалёку, глядя на уходящую старуху Сюй и её спутников, словно задумалась о чём-то. Она сжала кулаки, и в её глазах промелькнул страх. В тот миг, когда она увидела старуху, ей показалось, что она видит себя. Это её испугало.

Может быть, из-за дождя, может быть, из-за казни, что создавала у всех на душе тяжёлое ощущение, но горячие блюда и чай с молоком в лавке Линь Сяоцзю стали для людей настоящим утешением.

Так что, когда поток посетителей затих, в его магазине все запасы были распроданы.

Когда дождь почти прекратился и в магазине уже не оставалось работы, Линь Сяоцзю великодушно позволил всем своим сотрудникам уйти пораньше.

Сотрудники поблагодарили его и небольшими группами разошлись.

Когда Сунь Янь уходила, Линь Сяоцзю машинально проводил её взглядом. Он заметил, что её шаги были поспешными и немного нервными, словно она спешила по важным делам.

Вспомнив слова тётушки Чэнь, сказанные несколько дней назад, и то, как в последние дни Сунь Янь вела себя так, будто хотела что-то подсмотреть, Линь Сяоцзю понял, что она что-то скрывает.

Он немного подумал, а затем подозвал Цзинь Чжу.

Цзинь Чжу, старательный и благодарный молодой человек, услышав зов, сразу бросил протирать стол и быстро подошёл к Линь Сяоцзю.

"Маленький хозяин, что случилось?"

Линь Сяоцзю, заметив его напряжение, похлопал его по плечу, чтобы тот расслабился, и тихо сказал, указывая в сторону Сунь Янь: "Мне кажется, с ней что-то не так. Проследи за ней и узнай, что она делает".

Цзинь Чжу мгновенно напрягся и кивнул с серьёзным выражением лица: "Не волнуйтесь, маленький хозяин. Я всё узнаю".

"Угу. Я на тебя полагаюсь. Иди".

Цзинь Чжу снял униформу, быстро переоделся в свою одежду и пошёл вслед за Сунь Янь, вскоре скрывшись из виду.

Когда их фигуры исчезли вдаль, к Линь Сяоцзю подошла тётушка Чэнь.

"Маленький хозяин?"

Линь Сяоцзю взглянул на неё с любопытством, заметив её напряжённое выражение лица. "Что случилось?"

Тётушка Чэнь, нервно сжав губы, тихо сказала: "Маленький хозяин, я сегодня наблюдала за Сунь Янь. Она правда что-то задумала. Всё время тайком смотрела, как я готовлю молочный чай. Похоже, она хочет украсть ваш рецепт".

Линь Сяоцзю кивнул и с улыбкой ответил: "Спасибо за труд. Я понял".

Убедившись, что он больше ничего не скажет, тётушка Чэнь не стала продолжать и, вернувшись, доделала работу за Цзинь Чжу. Когда всё было закончено, она попрощалась с Линь Сяоцзю и ушла.

Линь Сяоцзю проводил её взглядом, затем посмотрел на капли воды, падающие с крыши, и

молча вздохнул.

□□#

Когда Шэнь Лянь вернулся, солнце как раз клонилось к закату.

Линь Сяоцзю сидел во дворе и мыл овощи, рядом играли, покусывая друг друга, Сылан и Канцзянь, а над их головами, свесив хвост, наблюдал за всеми Ташюэ.

Увидев эту картину, уголки губ Шэнь Ляня невольно приподнялись, и выражение его лица стало заметно мягче.

Как только он переступил порог, Линь Сяоцзю, сидящий во дворе, сразу заметил его. Повернув голову в его сторону, он взглянул на гостя и, узнав его, широко улыбнулся. С радостным голосом он произнёс: “Ты вернулся?”

“Да”, — коротко ответил Шэнь Лянь, быстрым шагом подходя ближе. Он присел рядом с Линь Сяоцзю на скамейку и положил на стол вещь, которую принёс с собой.

Линь Сяоцзю, глядя на изящную бутылку, удивлённо спросил: “Что это такое?”

Он жил здесь уже довольно долго, но ещё ни разу не видел такого красивого сосуда — он был изящен, словно произведение искусства.

Шэнь Лянь не обратил внимания на бутылку, на которую так пристально смотрел Линь Сяоцзю. Его взгляд был сосредоточен на бело-румяном профиле Линь Сяоцзю.

Когда супруги Линь были ещё живы, они заботились о сыне, как о сокровище, и тот не делал никакой тяжёлой работы. Его кожа, нежная и светлая, с лёгким румянцем, выглядела так, что при малейшем прикосновении на ней могли бы остаться следы.

За последние недели Линь Сяоцзю сильно загорел, ведь был занят делами своего магазина. Но после того как дела наладились, и у него стало меньше работы, его кожа постепенно вернула свою прежнюю белизну.

Сейчас его кожа снова стала мягкой и светлой, но благодаря регулярному труду и поту обрела здоровый оттенок, добавив мальчишеской энергии. Она выглядела настолько соблазнительно, что казалось, её хочется укусить, чтобы узнать, такая ли она на вкус, как кажется.

Линь Сяоцзю задал свой вопрос, но ответа от Шэнь Ляня так и не дождался. Немного удивившись, он обернулся и заметил в глазах Шэнь Ляня знакомое желание.

Вспомнив их прежние моменты общения, Линь Сяоцзю тут же покраснел. Он немного отодвинулся и тихо сказал: “Почему ты так на меня смотришь? Не собираешься ли ты меня укусить?”

Шэнь Лянь, глядя, как Линь Сяоцзю отстраняется, осознал, что его эмоции стали слишком очевидными. Он поспешно вернул себе привычное спокойное выражение лица, но в глубине его глаз всё равно мелькала лёгкая тень разочарования.

Линь Сяоцзю, заметив это, неожиданно почувствовал в Шэнь Ляне что-то жалкое и даже начал сомневаться, не слишком ли резко он выразился. Но тут же покачал головой, решительно отбросив мысль о жалости. Ведь каждый раз, как он утешал Шэнь Ляня, страдать в итоге приходилось самому.

После всего случившегося Линь Сяоцзю уже начал подозревать, что Шэнь Лянь делает это нарочно — специально изображает такое выражение, чтобы заманить его в ловушку.

Шэнь Лянь, наблюдая за сменой эмоций на лице Линь Сяоцзю — от начального беспокойства к нерешительности, а затем к полному спокойствию, понял, что его попытка "ловли на удочку" в этот раз не сработала. Он изменил тактику, убрал с лица невинное выражение, и сменил тему.

Он перевёл взгляд на изящные фарфоровые бутылочки, на которые недавно смотрел Линь Сяоцзю, и мягко объяснил: “Здесь осенний ликёр с османтусом. Это мой подарок в знак уважения к учителю”.

На самом деле слово "подарок учителю" не совсем точно описывало ситуацию. Вернее было бы назвать это "подарком на знакомство".

Шэнь Лянь был уверен в себе. После того как ему выпал шанс пережить всё заново, он знал, что в этом городе никто не сравнится с ним в учёности. Однако ему нужна была официальная возможность участвовать в государственных экзаменах, поэтому он собирался устроиться в одну из местных академий, чтобы получить оттуда доступ к службе.

Услышав объяснение Шэнь Ляня, Линь Сяоцзю сначала кивнул с пониманием, но вскоре вдруг встревоженно посмотрел на него: “Подарок учителю? Ты хочешь стать чьим-то учеником?”

С тех пор как Линь Сяоцзю попал в этот мир, Шэнь Лянь казался ему человеком, способным на всё, который часто направлял его. Для него Шэнь Лянь был идеалом, и мысль о том, что тот пойдёт учиться у кого-то другого, казалась совершенно невероятной.

Выражение лица Линь Сяоцзю было таким удивлённым, что стало даже немного комичным. Шэнь Лянь не удержался и рассмеялся: “Ты так удивлён?”

Линь Сяоцзю энергично кивнул, совершенно не скрывая своего восхищения: “Конечно! Ты

такой умный и всё знаешь. Я совсем не представляю, зачем тебе нужен учитель”.

Услышав слова Линь Сяоцзю и заметив его восхищённый взгляд, Шэнь Лянь почувствовал, как что-то внутри него задрожало, будто кто-то тонко коснулся струны его души, издав чистый, мелодичный звук.

Не в силах сдержать нахлынувшие эмоции, он обнял Линь Сяоцзю, прижавшись лбом к его плечу, и тихо прошептал ему на ухо: “Я собираюсь участвовать в ближайших государственных экзаменах. Мне нужно найти академию, чтобы официально числиться её студентом. Это подарок для преподавателя академии”.

Линь Сяоцзю, чувствуя горячее дыхание Шэнь Ляня на своей шее, ощутил, как волосы на его затылке встают дыбом.

Когда Линь Сяоцзю только познакомился с Шэнь Лянем, тот казался ему благородным и высокомерным, словно породистый кот. Вежливый и дружелюбный на вид, но на самом деле держащий всех на расстоянии. Стоило подойти ближе, как он тут же отстранялся.

Но со временем Линь Сяоцзю понял, что Шэнь Лянь больше похож на змею — тот, кого он любит, становится его объектом внимания и "обвития", буквально не оставляя ни на шаг.

Поначалу Линь Сяоцзю смущался от подобного поведения. Прикосновения Шэнь Ляня, его близость приводили его в замешательство и заставляли краснеть. Но позже это стало казаться скорее сладким, но тяжёлым испытанием.

Вот и сейчас. Как только Шэнь Лянь обнял его, он начал мягко целовать Линь Сяоцзю в щёку, порой слегка покусывая, затем слегка посасывая, словно проверяя, так ли он вкусен, как кажется.

Запах лекарств, исходивший от Шэнь Ляня, и осознание, что всё это делает именно он, заставили Линь Сяоцзю почти потерять контроль над собой.

Пытаясь избежать смущения, Линь Сяоцзю начал отталкивать Шэнь Ляня, который уже перешёл от его щёк к губам, и пробормотал: “Ты так и не объяснил мне, что происходит”.

Шэнь Лянь, глядя на покрасневшее лицо Линь Сяоцзю, не стал отпускать его. Он только сильнее прижал его к себе, а затем, прикусив его губы, мягко произнёс: “Дай мне поцеловать тебя ещё раз. У нас так много времени впереди. Я всё расскажу чуть позже”.

Линь Сяоцзю хотел возразить, но не успел: Шэнь Лянь вновь завладел его губами.

Шэнь Лянь говорил, что это будет "ещё один поцелуй", но он длился очень долго.

Рядом собаки, Сылан и Канцзянь, перестали драться, сели в стороне и с наклонёнными головами наблюдали за ними, будто недоумевая, чем заняты эти двуногие.

На дереве в тени кот Ташюэ зевнул, обнажая свои белые крошечные зубы, затем улёгся, положив голову на лапы, и, лениво помахивая хвостом, спокойно смотрел сверху на эту сцену.

Когда Шэнь Лянь наконец отпустил Линь Сяоцзю, тот тяжело дышал и чувствовал себя совершенно обессиленным. Единственное, что он мог сделать, — это лежать в объятиях Шэнь Ляня с немного растерянным взглядом.

"Почему Шэнь Лянь, больной человек, может так долго целоваться?" — думал он.

"Почему тяжело дышу я, а не он?"

Шэнь Лянь, довольный своим "произведением", улыбнулся, глядя на слегка ошеломлённого Линь Сяоцзю. Он поправил растрёпанные на них обоих одежды, а затем, уже как ни в чём не бывало, помог Линь Сяоцзю выбраться из своих объятий, оставаясь элегантным и спокойным, как всегда.

Шэнь Лянь снова перевёл взгляд на бутылки с осенним ликёром и начал объяснять спокойным, почти учительским тоном, словно читал лекцию в частной школе: "Моя регистрация находится не здесь, а в другом месте, но я не хочу возвращаться туда. Чтобы участвовать в государственных экзаменах от имени местных студентов, мне необходимо, чтобы уважаемый учитель из местной академии принял меня, подтвердил, что я их ученик, и дал рекомендательное письмо".

Линь Сяоцзю не понимал, как устроена система экзаменов в древнем Китае, но, сравнив её с современными условиями поступления, он пришёл к выводу, что, несмотря на лёгкость, с которой Шэнь Лянь рассказывал о своих планах, на деле это, вероятно, потребует немалых усилий. К тому же Шэнь Лянь — приезжий, у него здесь нет родственников, а значит, ему будет ещё сложнее решать такие вопросы.

Думая об этом, Линь Сяоцзю начал беспокоиться и спросил, глядя на него: "Это не будет слишком сложно для тебя?"

Шэнь Лянь заметил в его глазах искреннюю заботу, погладил его по голове и мягко ответил: "Не беспокойся. Уездный судья уже договорился за меня. Мне нужно всего лишь через несколько дней явиться в академию".

Услышав это, Линь Сяоцзю вздохнул с облегчением. Однако, глядя на серьёзного Шэнь Ляня, его лицо слегка порозовело. Он всё ещё не мог понять, как тот умудряется быть таким настойчивым и решительным, когда обнимает и целует его, а потом внезапно становится таким мягким и спокойным, словно ничего не произошло.

Хотя думать так о Шэнь Ляне, возможно, было некорректно, у Линь Сяоцзю внезапно промелькнуло в голове выражение “волк в овечьей шкуре”. Почему-то ему казалось, что оно идеально ему подходит, хотя и несправедливо.

Мгновение спустя он посмотрел на Шэнь Ляня с несколько странным выражением лица.

Шэнь Лянь, не подозревая, о чём размышляет Линь Сяоцзю, невинно моргнул и с видимым недоумением спросил: “Что такое?”

<http://bllate.org/book/15132/1337422>